

Олег СУХАРЕВ

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Стратегическое развитие России должно сводиться к реализации ряда важнейших принципов: задания цели, определения области приложения, функциональной полноты, необходимого разнообразия и восприятия, устойчивости к изменениям, обеспечения ресурсами и др. Элементы системы стратегического управления могут быть представлены следующими составляющими: 1) система управления экономикой (планирование, организация, контроль, координация, мотивации на всех уровнях); 2) социально-экономическая стратегия развития; 3) прогнозы экономического развития; 4) программы развития; 5) инструменты воздействия на субъектов экономики (меры текущей политики — тактика). Таким образом, тактика предопределяет достижимость стратегических ориентиров развития. Если макровоздействия на системном уровне обладают большой силой, то они способны обесценить движение в сторону стратегических приоритетов. Предложена модель «2х2» — «инвестиции — сбережения», «финансовый — нефинансовый» сектор, из которой следует, что причина трудностей стратегического характера состоит в разрастании финансового сектора, неэффективных институтах, регулирующих и задающих режим его функционирования, что требует изменения денежно-кредитной и финансовой политики в стране. Стратегическое планирование должно заканчиваться разработкой стратегии развития, предполагать унифицированные принципы и подходы на различных уровнях государственного (федерального и регионального) управления. Перспективу настоящего исследования составляет проблема распределения эффекта денежно-кредитной и бюджетной политики (в рамках бюджетного федерализма) в региональном разрезе. Предложенная модель может стать исходной схемой, в рамках которой параметр институционального смещения финансового сектора должен быть определен для различных регионов с тем, чтобы определить методы выправления региональной дивергенции.

Ключевые слова: критерий эффективности, макроэкономическая политика, принципы, стратегия

Вопрос стратегии развития имеет важнейшее значение для любой экономики. Не является здесь исключением и экономика России. Существующие региональные диспропорции еще больше актуализируют этот вопрос. При общих принципах стратегического планирования, провозглашенных в рамках принятого Федерального закона Российской Федерации от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», разрабатываемые региональные стратегии, основанные на специфике субъектов РФ, должны согласовываться, с одной стороны, с центральными стратегическими целями; с другой — с динамикой развития соседних регионов.

Работа по обеспечению реализации указанного ФЗ в регионах по существу только разворачивается, хотя в ряде субъектов РФ уже накоплена соответствующая практика. В этом ключе актуально, на наш взгляд, обратиться к вопросам о принципах, критерии и системе стратегического управления экономической системой.

На развитие регионов сильное влияние оказывает текущая макроэкономическая политика центрального Правительства, выступающая своеобразным и сильнейшим институциональным ограничением реализации любых, даже самых обоснованных, стратегий. Принципы, которым следуют денежная и бюджетная власть в текущей политике, задают рамки функционированию не только экономики России в целом, но и отдельных региональных систем. В данной статье предлагается изменение формата такой политики для обеспечения всех элементов системы деньгами на основе ликвидации диспропорции в пользу финансово-спекулятивных секторов.

Говоря о необходимости стратегического планирования еще в 2005 г., академик Л.И. Абалкин отмечал: «Из узловых идей, присущих российской экономической мысли, ...на первом месте стоит подъем общественных производительных сил нации. Это проходит через многолетнюю коллективную работу Академии наук, начиная от исследования природных богатств России до комплексной программы НТП. Здесь всегда важно видение целого, примат стратегии над тактикой, умение выстраивать приоритеты, своеобразие государственного регулирования в сочетании с рыночными регуляторами и механизмами гражданского общества (формирование внутреннего рынка, державности и соборности).

Рождение стратегии — это функция науки, ее приоритетная задача. Ученые должны добиваться права на любом собрании и в каждом выступлении говорить, что это — наша задача. Далеко не всем нужны наши советы. Но если сегодня решать эти вопросы, то их надо решать жестко и настойчиво»¹.

К сожалению, эти положения не были реализованы. В результате важнейшей чертой развития России за последние десятилетия стала практика «стратегического шарахания»², оказавшая и продолжающая оказывать влияние на развитие как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Причем в условиях общих структурных дисбалансов эта практика приводила и приводит к углублению расхождений в развитии субъектов РФ.

С учетом этого представляется важным выделить и проанализировать принципы стратегического управления, определить возможности экономической политики на уровне инструментов (тактики), позволяющие продвигать систему к стратегическим целям.

«Стратегические шарахания» российского государства

Более чем за четверть века сменилось несколько стратегических установок экономической политики³, которые замещали одна другую,

¹ Абалкин Л.И. Россия. Поиск самоопределения. М.: Наука, 2005. С. 275–276.

² Под «стратегическим шараханием» понимаем частое изменение приоритетов развития.

³ Стратегическое управление включает стратегическое планирование как свою базовую функцию, т.е. оно шире, чем собственно планирование, связано с необходимым согласованием стратегических и тактических решений правительства.

часто не приводя к достижению поставленных целей, а в ряде случаев — сосуществуя одновременно (например, удвоение ВВП и стимулирование инноваций). Остановимся кратко лишь на некоторых из таких стратегических установок.

Первая. Приватизация и политика финансовой стабилизации предполагала передачу активов в частные руки, что лишило производственные секторы кредита и денег, обеспечив высокий отток капитала на протяжении многих лет, растрату многих видов ценных активов.

Вторая. Макроэкономическая политика стабилизации закономерно привела к обвальной девальвации 1998 г. и постдевальвационному росту 1999–2003 гг., который якобы восстанавливал макроэкономические параметры экономики, но на деле — «стабилизировал» структурную отсталость экономики, закрепляя ее сырьевую ориентацию.

Третья. Национальные проекты (в качестве стратегического приоритета), не выпадавшие из общей логики борьбы с инфляцией. Предполагалось, что демонетизация экономики за счет высокого процента должна справиться с инфляцией. Это, в свою очередь, позволит реализовывать инвестиционные проекты и кредитовать производственные, включая высокотехнологические сектора, т.к. за инфляцией будет снижаться ставка процента. Ошибку привязки процента к инфляции до сих пор никто не думает исправлять⁴. При этом вопросы о периоде времени, за который удастся одержать пиррову победу над инфляцией, и о перспективах сохранения к этому моменту тех секторов производства, об инвестициях в которые велись заботливые рассуждения, вообще не ставились.

Иными словами, финансирование национальных проектов шло по принципу «всем сестрам — по серьгам», с привязкой к необходимости поддержания макроэкономических параметров по инфляции и бюджету. Сначала определялись инфляционно нейтральные величины прироста расходов и денежной массы в экономике и только в рамках этих границ обеспечивались финансами национальные проекты, так же как и другие бюджетные программы развития.

Четвертая. Во второй половине 2000-х гг. новым ориентиром правительственной экономической политики в России стали инновации. При этом они привязывались к неким изменяемым приоритетам — новым технологиям, однако, при этом «старые» технологии быстро сокращались. В сложившейся системе финансовое планирование никак не связано с решением задач расширения масштаба инновационной деятельности, а институты, блокирующие инновации, продолжают действовать.

Инновационная переориентация экономики предполагает две составляющие — появление инновации и ее тиражирование, распространение. Ее нельзя просто провозгласить и свести всю работу к формальным, зачастую фиктивным, отчетам. Инновационная переориентация предполагает наличие точек приложения такой деятельности. В условиях дефляции труда как фактора производства, повышения общего уровня цен, сокращения в 5–10 раз основных отраслей промышленности, износа оборудования и фондов на 70–80% спрос на новое оборудование, на новые решения в технике и технологии, безусловно, существует. Однако

⁴ Ниже будет показана эмпирическая несостоятельность такой привязки.

если финансовая и банковская системы никак с этим не связаны и не обслуживают этот процесс, то инноваций не будет. Более того, в такой системе они не могут быть целью. Ведь экономический рост 2000-х гг. и посткризисных 2010–2014 гг. поддерживался за счет сырьевой компоненты российской экономики. В таких условиях задача перелива ресурсов из сырьевых секторов на нужды инновационного развития обрабатывающих секторов не могла быть решена.

Пятая. Нынешние реформы высшей школы и образования в целом направлены на будущее торможение инноваций. Стимулирование инноваций требует подготовки кадров соответствующей квалификации, создающих блага для внутреннего и внешних рынков. В том случае, когда система образования подвержена перманентным и отторгаемым образовательным сообществом изменениям с неясными перспективами — она не способна создать благоприятных условий для повышения квалификации кадров.

Основополагающая проблема российской экономики состоит в том, что сектор услуг, финансов и банков образован не в результате повышения технологичности обработки и высвобождения кадров в сектор услуг (как это имело место в большинстве развитых стран), а за счет многолетнего и необратимого разрушения обрабатывающих секторов. Данная тенденция в разных регионах страны имеет свою специфику, однако, повсеместно она стала *центральной структурным ограничением дальнейшего развития*.

Принципы стратегического развития и планирования

Стратегия развития любой хозяйственной системы предполагает необходимость установления критерия эффективности этого развития, принципов и элементов системы стратегического управления, *стратегия развития есть атрибут эволюции современной экономической системы*.

Если проектировать государственные программы развития исходя из необходимости балансирования бюджета или поддержания инфляции в некоторых рамках, скажем, не выше 5–6% в год, то объем планируемых финансов на госпрограммы может не позволить достичь целей не только по какой-то отдельно взятой, а по большинству государственных программ. Результатом станет провал в реализации стратегических государственных интересов — приоритетов. Таким образом, имеется *явный конфликт целей*, причем целей содержательного и инструментального характера.

Гетеродоксальные стабилизационные программы, направленные на обеспечение макроэкономической стабильности, обычно исходят из того, что инерционные эффекты инфляции нельзя преодолеть без воздействия на долгосрочные контракты и институты установления заработной платы. Развитие производительных секторов хозяйства, сфер деятельности, в т.ч. и в рамках приоритетных программ, приводит, в соответствии с логикой таких программ, к провокации инфляции, а значит, оно должно быть урезано, приторможено.

Таким образом, гетеродоксальные программы воздействуют на пропорции цен и занятости, но никак не затрагивают базовой проблемы экономической структуры — принципов функционирования секторов,

межсекторных взаимодействий, соотношения дохода и риска по различным видам деятельности. Для того чтобы задействовать эти элементы системы, требуется применять *проектный подход*, затрагивающий базовые параметры экономического развития, а не только инструментальные проявления. Целесообразным рецептом управления программами является принцип «2А» — «адекватности — адаптивности».

Критерий эффективности развития может быть представлен в виде функции максимизации уровня благосостояния и качества жизни населения страны.

Тактика предопределяет достижимость стратегических ориентиров развития. Если макровоздействия на системном уровне обладают большой силой, то они способны обесценить движение в сторону стратегических приоритетов. Это относится прежде всего к денежно-кредитной, бюджетной политике, а также институциональным трансформациям, ставшим в последнюю четверть века основным инструментом изменений в российской социально-экономической системе.

Рассмотрим основные составляющие стратегического управления.

Постановка цели предполагает получение полного представления о желательном или нежелательном состоянии экономики; анализ существующих социальных проблем и институциональных возможностей их разрешения; разработку нескольких проектировочных вариантов, способных обеспечить достижение цели (целей), формирование критериев отбора вариантов — стратегий (в т.ч. их сравнительный анализ исходя из ресурсной обеспеченности и с учетом временных ограничений), выбор и адаптацию к условиям экономического окружения.

Определение области приложения, или ниши, в экономической структуре важно с точки зрения модификации целей и применения методов их достижения.

Функциональная полнота. Функции возникают исходя из того, какие действия необходимо осуществить, какие агенты вовлекаются в новую схему взаимодействия, какие при этом совершаются операции, решаются задачи, происходят изменения, возникают доходы и издержки. Здесь возникает проблема меры, полноты функций, институциональной достаточности.

Принцип необходимого разнообразия. Институты структурируют поведение агентов, заставляя совершать какие-то определенные действия. Известное в кибернетике правило гласит: система сохраняет устойчивость, если разнообразие управляющего звена не ниже разнообразия управляемого объекта.

Принцип необходимого восприятия. Одной из задач планирования должна стать адаптация прежних структур к ожидаемым нововведениям. Субъекты экономики не всегда принимают новые институты, часто происходит их отторжение. Если количество таких отторгаемых институтов превышает некую критическую точку, экономическая система может начать деградировать и темп данного процесса будет определяться масштабом отторжения вводимых правил.

Содержание *принципа монетарного (ресурсного) наполнения* сводится к тому, что любая эффективная работа предполагает соответствующее денежное (монетарное) обеспечение.

Завершающим элементом стратегического управления является *принцип устойчивости к изменениям*. Устойчивость системы к изменениям программируется строгим соблюдением всех вышеперечисленных принципов. Неустойчивость является ярким признаком дисфункции (расстройства) системы. Невыполнение этого принципа может повлечь за собой потерю устойчивости, и это нарушение таково, что оно может оказаться самым весомым.

Практика формирования государственных программ в России

Анализ практики формирования государственных программ в России позволяет сделать вывод, что цели их разработки и реализации могут быть различны. Выделим наиболее важные:

- достижение содержательных (качественно обозначенных) целей и результатов программы к намеченному периоду в целях реализации необходимого стратегического национального приоритета (целевая эффективность и критерий достижимости);
- обеспечение необходимых темпов роста дохода от реализации программы и развития области, которую программа описывает;
- обеспечение минимальных рисков или совокупного риска за счет различных способов их хеджирования со стороны государства;
- обеспечение приемлемых темпов роста основного капитала;
- решение задач занятости населения и развития человеческого потенциала;
- решение оборонных задач и обеспечение национальной безопасности;
- коррекция стратегии национального развития и формирования системы стратегических национальных приоритетов.

Основными институтами, осуществляющими промышленную политику в России в настоящее время являются: Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России)⁵; Министерство энергетики Российской Федерации; Ростехнадзор России; Министерство экономического развития РФ; Торгово-промышленные палаты РФ; Министерство финансов РФ (ответственность бюджета за выполнение финансовых назначений по программам развития); крупные корпорации (включая госкорпорации), естественные монополисты, промышленные группировки, альянсы (российские и международные), общественные ассоциации, союзы промышленников и предпринимателей, профсоюзы и т.д.

Совокупность федеральных программ развития является сегодня определяющим инструментом индустриальной политики России. Фактически способ проектирования отдельных программ заместил формы и методы централизованного планирования. Попытаемся дать анализ механизма функционирования института программ развития секторов и видов деятельности.

Федеральная целевая программа (далее — ФЦП) представляет собой увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс на-

⁵ Безусловно, важна роль Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Министерства по чрезвычайным ситуациям, выступающих заказчиками.

учно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации⁶.

За период 2006–2013 гг. были осуществлены ФЦП промышленности со следующими объемами финансирования (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Федеральные целевые программы промышленности в 2006–2013 гг.

Период осуществления финансирования, год	Государственные капитальные вложения, млн руб.*	Текущие расходы, млн руб.*		Общий объем финансирования, млн руб.*	Общий объем финансирования в % к 2006 г.*	Расходы на НИОКР в % к 2006 г.*
		НИОКР	прочие нужды			
2006	9551,67	10 826,96	7391,05	27 769,68	100,00	100,00
2007	2309,39	15 325,69	11 499,27	29 134,35	117,37	141,55
2008	52 746,72	18 074,66	28 603,83	99 425,22	456,03	168,14
2009	39 483,72	27 050,79	30 295,38	96 829,90	482,57	250,34
2010	34 126,87	27 248,22	24 239,59	85 614,69	462,40	251,67
2011	42 575,96	42 092,40	19 790,66	104 459,00	598,60	388,77
2012	36 687,21	50 712,42	18 924,99	106 324,60	649,38	468,39
2013	28 749,46	49 564,44	19 035,78	97 349,67	632,91	457,79

*Значения величин приведены к 2006 г. с учетом уровня инфляции за ряд лет.

Источник: URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/1/2014>; расчеты автора.

С 2014 г. существует госпрограмма «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», включающая 17 подпрограмм по различным отраслям промышленности⁷. Судить об эффективности программы возможно только на основании системы количественных и качественных показателей, однако наибольшую важность приобретает проблема согласования программ, которая сегодня не решена в силу *отсутствия общих императивов и принципов планирования в стране*.

При разработке программ необходимо учитывать особенности технических систем, которые профессиональными экономистами, не

⁶ URL: <http://www.programs-gov.ru>.

⁷ Автомобильная промышленность; сельскохозяйственное машиностроение, пищевая и перерабатывающая промышленность; машиностроение специализированных производств; легкая промышленность и народные художественные промыслы; ускоренное развитие оборонно-промышленного комплекса; транспортное машиностроение; станко-инструментальная промышленность; тяжелое машиностроение; силовая электротехника и энергетическое машиностроение; металлургия; лесопромышленный комплекс; развитие системы технического регулирования, стандартизации и обеспечение единства измерений; химический комплекс; конструкционные и функциональные композиционные материалы нового поколения; технологии редких и редкоземельных металлов; современные средства индивидуальной защиты и системы жизнеобеспечения подземного персонала угольных шахт; обеспечение реализации государственной программы.

являющимися «технарями» или отраслевыми специалистами, часто не принимаются во внимание. К таким принципам эволюции технических систем можно отнести:

- закономерное совершенствование и очевидное улучшение режима функционирования (на основе физических и инженерных законов);
- «исправляющее решение», отменяющее режим предыдущего функционирования;
- изменчивость закономерностей в технике в результате технологического прогресса;
- инерционная реакция на правительственные воздействия;
- отсутствие прямой связи между технологичностью и «ключевыми параметрами конкурентоспособности» производства, в результате чего достичь этих параметров может низкотехнологичная система.

Учитывая выделенные принципы, можно предложить некоторые этапы планирования развития для высокотехнологичных производств. Предлагается использовать метод скользящего 3-летнего и 5-летнего программирования, т.е. разработки сначала 3-летней программы — предварительного этапа, затем основной этап развития — до 5 лет, с дальнейшим планированием на 10 и 15 лет. Это полезно для таких секторов, как микроэлектроника и радиоэлектронная отрасль (включая военно-техническую составляющую). Индикативные планы на 1–2 года представляют тактический прием управления и должны быть довольно подвижны, сочетать изменения государственного заказа и целевых установок развития частных предприятий⁸. Государство обязано отдавать приоритет развитию российской собственности в базовых производствах, предотвращая иностранное участие и освоение западными компаниями нашего внутреннего рынка за наш счет.

Формирование экономики, восприимчивой и ориентированной на инновации, требует решения следующих задач: обеспечение «критической массы» новаторов; снижение издержек функционирования институтов, ответственных за инновации и развитие техники и технологий; стимулирование частного сектора к финансированию НИОКР; обеспечение связи образовательной системы и прикладной науки с производством; повышение доли ученых и инженерно-технических работников в составе рабочей силы; развитие системы банковского кредитования НИОКР и новых производств.

Планирование на перспективный период до 10–20 лет предполагает участие специалистов широкого профиля. Об этом говорил Л.В. Канторович в своей Нобелевской лекции. По его словам, эффективность плана может быть обеспечена не только его гибкостью и другими свойствами (для оптимального плана), закладываемой на этапе составления, но и участием специалистов различного профиля, как минимум, следующих трех групп: математиков, экономистов и отраслевых специалистов (инженеров и управленцев, практических работников)⁹.

⁸ См.: *Сухарев О.С.* Структурные проблемы экономики России. М.: Финансы и статистика, 2010.

⁹ См.: *Канторович Л.В.* Избранные труды. Математика в экономике: достижения, трудности, перспективы. Нобелевская лекция. М.: Ленанд, 2012. С. 14.

Научного подхода к планированию требуют и так называемые программы макроэкономической стабилизации, которые должны быть увязаны с иными целями и программами.

Алгоритм научно формируемой макроэкономической политики предполагает, на наш взгляд, следующие обязательные последовательные шаги:

- формулировка главных и вспомогательных целей, которые необходимо достичь к заданному сроку;
- определение целевых показателей, в которых можно выразить содержание целей и установление иных параметров и переменных, способных повлиять на эти показатели;
- подбор инструментов, которые способны повлиять на обнаруживаемые связи между целевыми показателями и иными переменными или параметрами системы;
- исключение взаимосвязей инструментов и определение «чистоты» влияния каждого из них на ту или иную цель, чтобы избежать эффекта обратного влияния;
- разработка последовательности применения инструментов и формирование передаточного механизма экономической политики, позволяющей обеспечить движение всей системы в предполагаемом направлении;
- выделение критериев, позволяющих дать оценку направления движения системы к намеченной цели;
- в случае неожиданного влияния инструментов на систему иметь резервные способы управления по восстановлению состояния системы и коррекции направления движения, а, если потребуется, то и установленных целей.

Покажем, что в российской экономике инструменты воздействия на агентов, выражающие меры текущей макроэкономической политики, продолжают оставаться неадекватными установленным стратегическим целям развития. *Без учета региональных особенностей общая макроэкономическая политика только способствует региональной дивергенции.* Рассмотрим ее общесистемные свойства, не привязываясь детально к региональным особенностям.

***Экономическая тактика и стратегия:
адекватность экономической политики***

Денежно-кредитная политика

Общая формула денежно-кредитной и финансовой политики России за период 2000–2015 гг. может быть сведена к следующим основным положениям:

- низкий и средний уровень монетизации для формирующихся рынков;
- ограниченные государственные заимствования при профицитном бюджете, растущем стабилизационном фонде и сокращающемся государственном долге (сегодня дефицитном бюджете, когда дефицит не допускается выше Маастрихтского критерия в 3% ВВП, но внутренние заимствования ограничены для погашения дефицита);

- уровень процента более высокий, чем на большинстве формирующихся и развитых рынков (иногда в десятки раз);
- снижающееся в целом налоговое бремя с общей нацеленностью налоговой политики на этот результат, при крайне медленном административном улучшении налоговой системы;
- придерживаемый курс рубля при растущих золотовалютных резервах (сегодня — плавающий курс при существенных резервах);
- проблемы с функционированием рынка корпоративных ценных бумаг (неразвитость этого рынка, наличие разрыва Макмиллана);
- существенное возрастание корпоративного внешнего долга (до 700–750 млрд долл.) в силу наличия валютно-процентного рычага в экономике России и необузданных спекулятивных цепях российской экономической и валютной системы.

Уровень монетизации экономики составляет примерно 40% на 2015 г. и 47% в 2014 г. с неуклонным снижением после девальвации 2014 г. почти в 2,5 раза. Средний темп экономического роста составил за последние четыре года: 2012 г. — 3,4%, 2013 г. — 1,3%, 2014 г. — 0,7%, 2015 г. — -4,0%, инфляция возростала: 2012 г. — 5,1%, 2013 г. — 6,8%, 2014 г. — 7,1%, 2015 г. — 12,5%. Таким образом, наблюдалась стагфляция, т.е. снижение устойчивого темпа роста (рецессия), сменившаяся спадом с неуклонным ростом инфляции. При самом лучшем сценарии ВВП России 2017 г. составит к уровню 1990 г. всего 115% (за двадцать семь лет преобразований). Но многие базовые макроэкономические индикаторы развития не будут достигнуты даже к 2017 г. Это относится прежде всего к производству промышленной продукции, которое составит 92,9% к уровню 1990 г., инвестициям в основной капитал, которые в 2017 г. достигнут в лучшем случае 78,3% к уровню 1990 г.

Одна из причин такого «стагнотно-рецессионного» развития экономики состоит в том, что *монетарная и финансовая политика не были направлены на решение задач экономической структуры и национального развития*. По существу, была развернута модель «обедняющего роста», которая исчерпавшись, обнажила проблему запуска роста на новых факторах. Однако уже действующие институты и созданные структуры не позволят гибко перейти на новые факторы, в связи с чем современная дискуссия в России касается в основном *запуска роста на прежних факторах*.

Анализ денежно-кредитной и финансовой политики в России позволяет утверждать, что они всегда были и остаются рестриктивными. Это утверждение парадоксально, но оно подтверждается тем, что, несмотря на фактическую ремонетизацию экономики в 2000–2014 гг. (параметр монетизации возрос с 12% до 47%, см. рис. 1)¹⁰, связь между приростом денежной массы и инфляцией, а также между инфляцией и торможением

¹⁰ Здесь и далее используется статистика по следующим источникам: источник информации для M_2 — сайт Центрального банка / URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ms&pid=dkfs&sid=dm>; источник информации для ВВП — Федеральная служба статистики / URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#; источник информации по уровню инфляции — сайт Федеральной службы государственной статистики / URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#.

валового внутреннего продукта — отсутствовала (см. рис. 2–3)¹¹. Это можно подтвердить анализом прироста тех величин, связь между которыми изучается. На рисунках 4–5 приведены эмпирические данные относительных приростов денежной массы и инфляции, процентной ставки и инфляции, продукта и процента. Связь отсутствует (коэффициент $R^2 = 0,1...0,3$), однако в угоду спекулятивным секторам продолжалась политика валютно-процентного рычага.

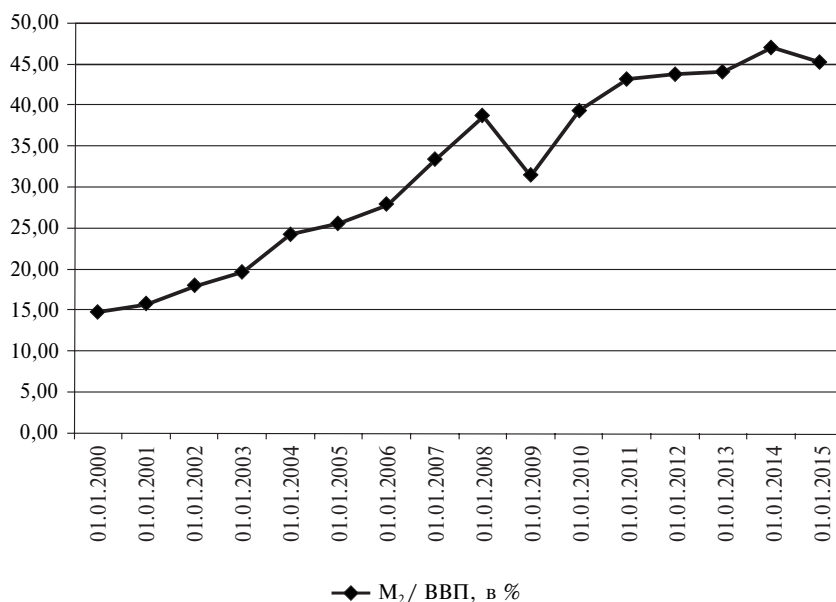

Рис. 1. Ремонетизация российской экономики ($M^2/\text{ВВП}$), 2000–2015 гг.

Анализ темпов экономического роста в России в период 2000–2015 гг. позволяет сделать следующие выводы, касающиеся ростовой динамики продукта.

Первый. Зависимость ВВП России от инвестиций в основной капитал более существенна, нежели от сбережений, но меньше, нежели от величины совокупных расходов на конечное потребление.

¹¹ Данные официальной статистики РФ, далее в расчетах автора использованы данные Росстата и ЦБ РФ. Россия в цифрах. 2015. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 453, 460; Россия в цифрах. 2014. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2014. С. 455, 462; Россия в цифрах. 2013. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2013. С. 466, 474; Россия в цифрах. 2012. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2012. С. 477, 484; Россия в цифрах. 2011. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 485, 492; Россия в цифрах. 2010. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2010. С. 461, 468; Россия в цифрах. 2009. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2009. С. 435, 442; Россия в цифрах. 2008. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2008. С. 418, 424; Россия в цифрах. 2007. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2007. С. 401, 408; Россия в цифрах. 2006. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2006. С. 370, 375; Россия в цифрах. 2005. Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2005. С. 351, 356; Россия в цифрах. 2004. Крат. стат. сб. Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат, 2004. С. 357, 361; Россия в цифрах. 2003. Крат. стат. сб. Госкомстат России. М.: Росстат, 2003. С. 324, 328.

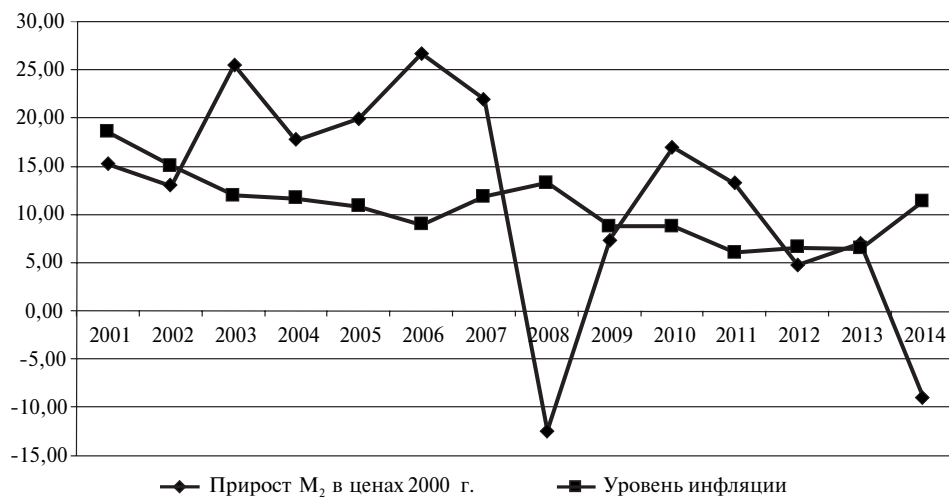

Рис. 2. Прирост денежной массы и инфляция, 2000–2014 гг., в %

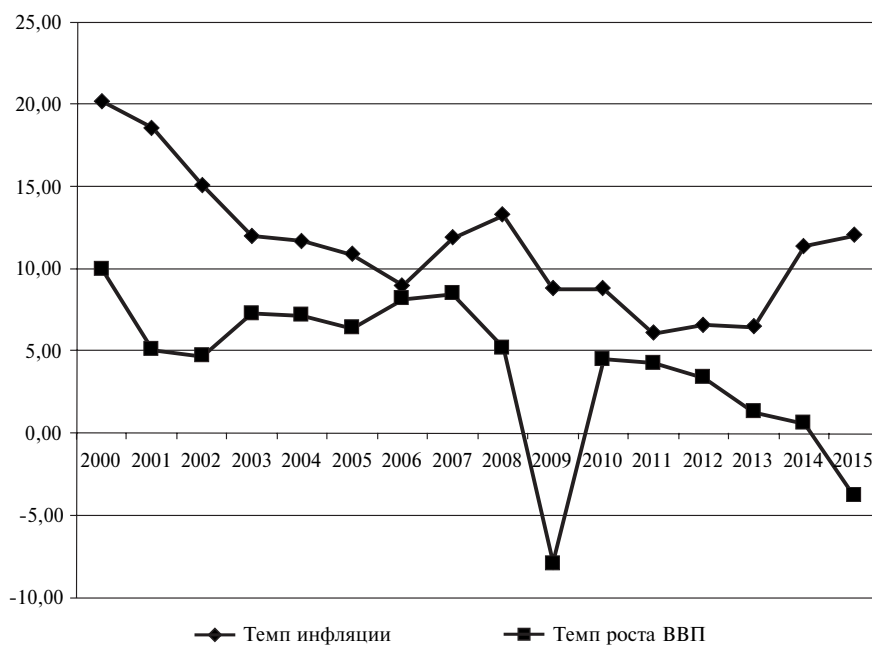

Рис. 3. Инфляция и темп роста ВВП, 2000–2015 гг., в %

Второй. Темп прироста ВВП в России и темп инфляции не связаны (см. рис. 4), коэффициент детерминации $R^2 = 0,407$. Периоды, когда темп ВВП замедлялся, а инфляция ускорялась, сменяются периодами, когда темп ВВП увеличивался, а темп инфляции снижался, либо снижался и темп ВВП, и темп инфляции.

Третий. Темп прироста денежной массы, безусловно, значим для темпа роста ВВП, но теснота корреляционной связи 0,62. Динамика цен на нефть в большей степени влияла на темп роста ВВП ($R^2 = 0,85$) в рассматриваемый период времени.

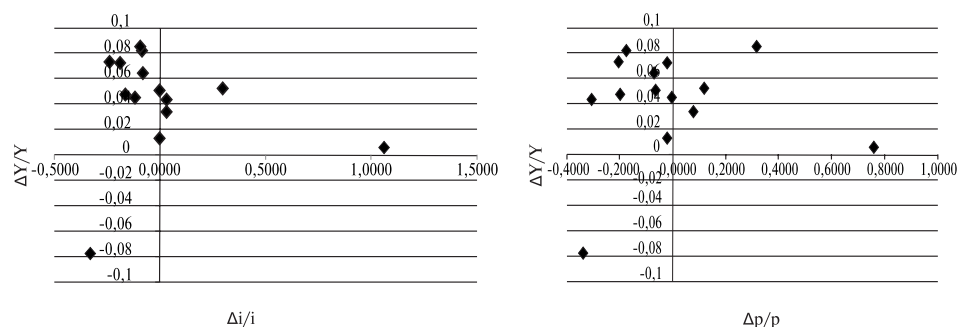

Рис. 4. Прирост продукта и процента (слева), продукта и инфляции (справа), 2000–2014 гг.

Как видим из *рисунка 4* (слева), снижение процента в целом дает больший прирост продукта, хотя устойчивой связи нет, но резкое увеличение процента (точка справа на графике) дает резкое снижение прироста продукта (все точки — это эмпирические данные по России¹²). Повышательная и понижательная динамика цен дают примерно одинаковый прирост продукта в России (см. *рис. 4* — справа), хотя инфляция выше 12% дает малый, но положительный прирост (крайняя точка справа на графике *рисунка 4* справа). Видимо, относительное изменение цен от -0,2 до +0,4 дает наибольшую прибавку в ВВП РФ, что отвечает инфляции от 5 до 10–12%. Абсолютный спад продукта при инфляции в 12% за 2015 г. означает лишь накопленные провалы экономической политики до 2014 г. и после.

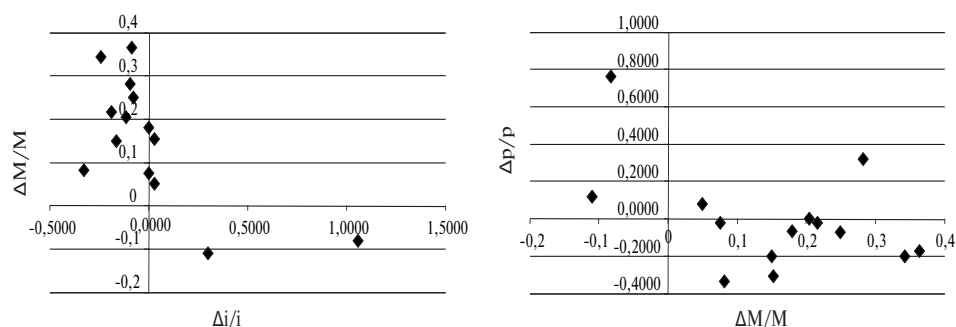

Рис. 5. Прирост денежной массы и процента (слева), денежной массы и цен (справа), 2000–2014 гг.

¹² Здесь и далее расчеты автора.

Интересно взглянуть, как соотносятся приросты денежной массы и процента и денежной массы и уровня цен. Из *рисунка 5* (слева) видно, что положительный прирост денежной массы согласуется со снижением процента, но когда имеются всплески резкого повышения процента (2009 г. и 2014 г.). Это сопровождается сокращением денежной массы — отрицательный прирост. *Рисунок 5* (справа) говорит о том, что положительный прирост денежной массы в России тормозил рост цен (большее число точек в отрицательной области). С учетом того, что прирост денежной массы действовал в направлении роста ВВП (этот фактор был вторым по значимости после динамики цен на нефть), то рост в России базировался на приросте денежной массы, которая в свою очередь тормозила, а не увеличивала темп инфляции. Сдерживающая политика приводила к тому, что эта тенденция свертывалась, но она возобновлялась при смягчении денежно-кредитной и бюджетной политики.

Рост процента (ставки рефинансирования, ключевой ставки) приводил к планомерному росту всех процентных ставок и в целом сопровождался ростом цен (см. *рис. 6*).

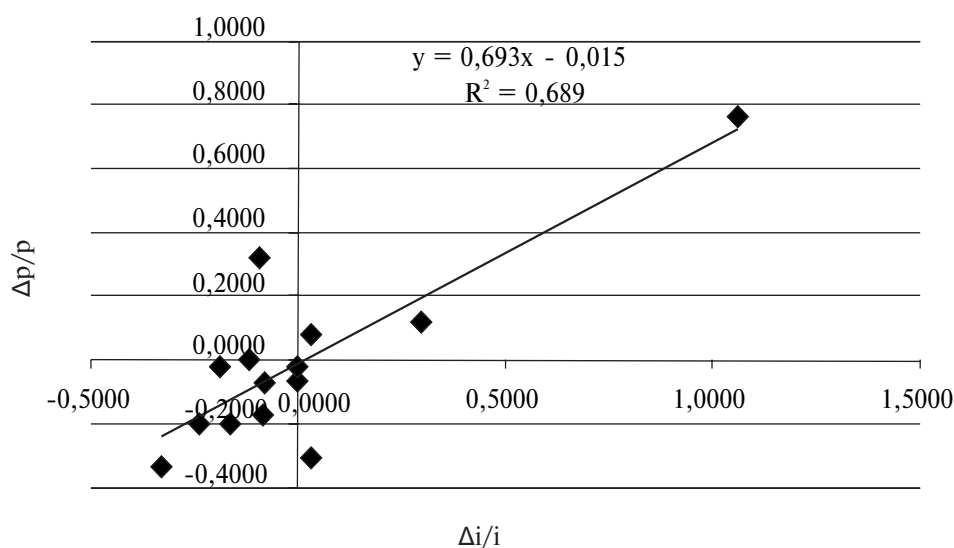

Рис. 6. Ключевая процентная ставка и динамика цен

Связь динамики ВВП и ключевой ставки отражает *рисунок 7*, где выделяются два режима развития. Первый — когда со снижением ставки растет валовой продукт, причем на этом же участке сбережения сокращаются при снижении процента (примерно от 25% до 12–14%), когда процент высок. Второй — когда процент низок (от 7–8% до 12%), рост процента стимулирует сбережения — и на этом интервале видна ветвь увеличения ВВП (см. *рис. 7*, восходящие точки от 21% до 16%) с другой эластичностью по проценту.

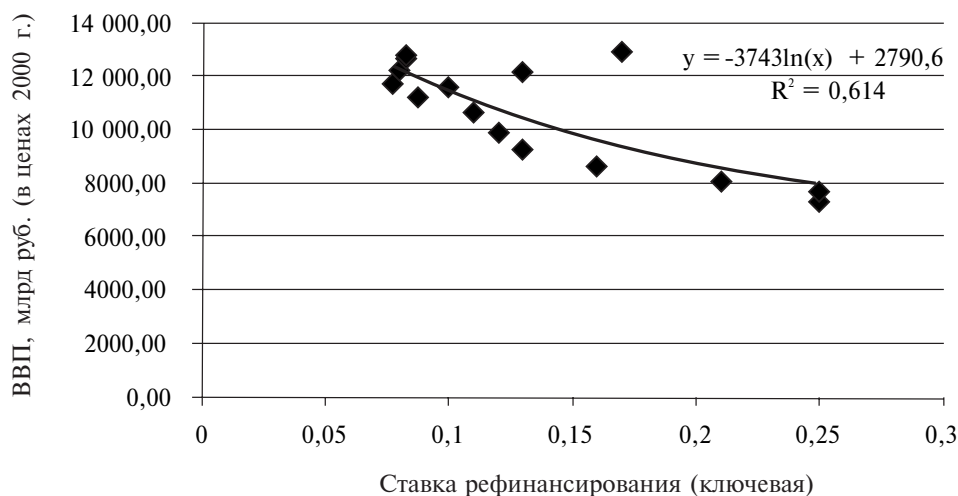

Рис. 7. ВВП России и ключевая ставка

Инвестиции в основной капитал возрастают при уменьшении ставки на всем периоде 2000–2014 гг. (см. рис. 8 – слева), финансовые инвестиции ведут себя таким же образом, однако, они в разы превосходят инвестиции в реальном секторе экономики, формируя инвестиционный, по сути, спекулятивный, навес для российской экономики (см. рис. 8 – справа).

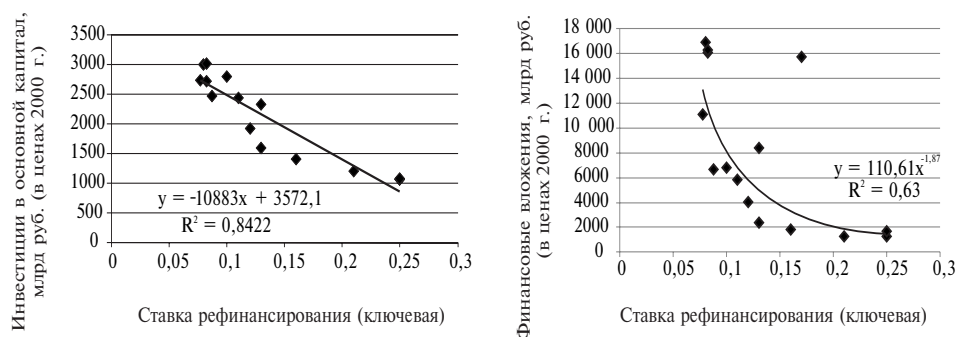

Рис. 8. Инвестиции в основной капитал (слева), финансовые вложения (справа) и ключевая ставка, 2000–2014 гг.

Далее проведем элементарное моделирование, опираясь на базовое положение теории ссудных фондов. Представим модель инвестиции-сбережения для экономической системы, разделив инвестиции на две составляющие – финансовые и нефинансовые, подразумевая, что нефинансовые инвестиции – это инвестиции в обрабатывающем (и добывающем) секторе (см. рис. 9).

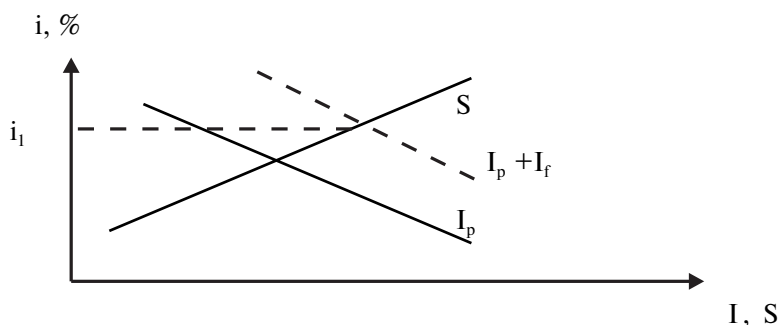

Рис. 9. Инвестиции-сбережения в экономической системе

Будем считать, что I_p — инвестиции в обрабатывающие сектора (не-финансовые инвестиции), I_f — финансовые инвестиции, зависящие от ставки процента, S — сбережения, α — параметр, отражающий различия между величиной инвестиций и сбережений в экономике, γ_0 — параметр, характеризующий трансформацию сбережений в финансовые инвестиции, s — норма сбережений, $S = sY$, Y — это валовой внутренний продукт. По существу, α , γ_0 , s — институциональные качества экономической системы. В общем случае инвестиции не равны сбережениям в силу работы финансовых институтов (банковской системы и др.). Тогда можно записать, что:

$$I = I_p + I_f,$$

$$I = \alpha S,$$

$$I_f = \gamma_0 (S - I_p),$$

$$S = \frac{1 - \gamma_0}{\alpha - \gamma_0} I_p.$$

Учитывая, что инвестиционная функция представлена кривой, имеющей отрицательный наклон (инвестиции зависят от предельной эффективности капитала), кривая сбережения — положительный наклон. Поэтому в упрощенном виде можно в зависимости от процента (см. рис. 2–3) представить функцию инвестиций и сбережений следующими выражениями:

$$I_p = a - bi,$$

$$S = n + di.$$

Тогда выражения для финансовых инвестиций I_f и для национального дохода Y примут вид:

$$I_f = \gamma_0 [(n - a) + (d + b)i] \quad (1),$$

$$Y = \frac{1}{s} \frac{1 - \gamma_0}{\alpha - \gamma_0} (a - bi).$$

Как видим, в рамках данной модели при росте процента национальный продукт будет снижаться, финансовые инвестиции возрастут, нефинансовые сократятся. Получим выражение для темпа экономического роста системы в предположении, что функции инвестиций и сбережений не изменяют своего вида ($a, b, n, d = \text{const}$; a, b, n, d – это коэффициенты в функции инвестиций и сбережений), а институциональные параметры системы не изменяются ($\alpha, \gamma_0, s = \text{const}$, короткий промежуток времени), либо изменяются ($\alpha, \gamma_0, s = \text{var}$, длительный промежуток времени). Тогда получим:

$$a, b = \text{const},$$

$$\alpha, \gamma_0 = \text{const},$$

$$s = \text{var},$$

$$\frac{dY}{dt} = -Y(t) \left[\frac{1}{s} \frac{ds}{dt} + \frac{1}{\frac{a}{b} - i} \frac{di}{dt} \right],$$

$$g = \frac{1}{Y} \frac{dY}{dt}.$$

Можно представить темп роста российской экономики (см. рис. 10 – слева), если бы финансовый сектор не увеличивал свое довлеющее влияние, сравнив с реальным темпом в период 2010–2014 гг. Справа на рисунке 10 показана динамика ВВП по модели и по факту для РФ в ценах 2000 г. Также видно, что финансовый сектор с демонстрируемым развитием дает меньшую величину ВВП, по сравнению со случаем, если бы он так не рос – верхний график по модели. Институциональное смещение γ_0 довольно велико и показано отдельно на рисунках 11–12.

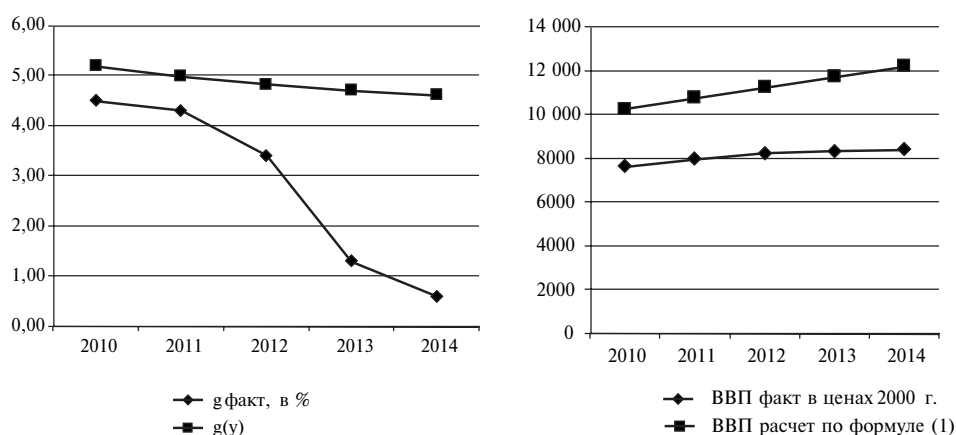

Рис. 10. Темп роста российской экономики фактический и в предположении невливания финансового сектора 2010–2014 гг. (в %, слева), изменения в ВВП (млрд руб., справа)

Как видно из *рисунка 10*, наличие финансового сектора сильно снижает темп роста, который отличается от теоретического по введенной модели.

Разрастание влияния финансового сектора отображает *рисунк 11*, где показано институциональное смещение, которое в кризис 2009 г. приобретает гигантское значение (положительная область) и еще большее — перед кризисом 2014 г. (отрицательная область), что говорит о разных причинах изменений. В 2009 г. произошел резкий рост финансовых вложений, сбережения превышали инвестиции в основной капитал. Накануне кризиса 2014 г. финансовые вложения возросли еще сильнее — в разы, а вот разница сбережений и инвестиций в основной капитал была отрицательной, что можно связать с попытками обновления капитала в период 2010–2013 гг. При этом сглаженная функция роста финансового сектора показана на *рисунке 12*.

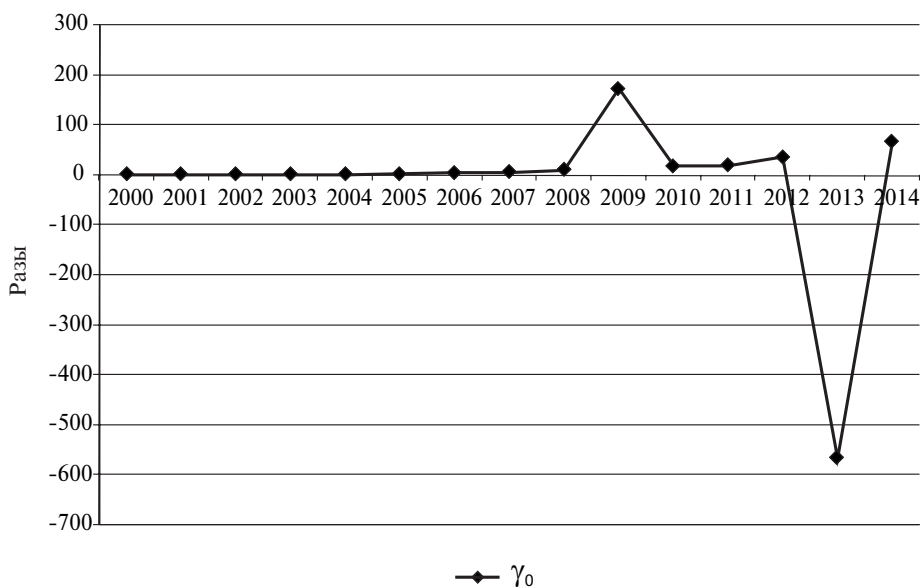

Рис. 11. Институциональное смещение γ_0 в экономике России, 2000–2014 гг.

Таким образом, одним из весомых факторов дестабилизации и слабости проводимой денежно-кредитной политики, помимо рестриктивных решений Правительства, является наличие финансового сектора с созданными для него институтами. Этот сектор усиливает кризис вкупе с ошибками денежно-кредитной политики¹³. Причина —

¹³ См. доклад академика С.Ю. Глазьева «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития» // Инвестиции в России. 2015. № 11–12 (а также URL: <http://www.glazev.ru>). Проведенный здесь анализ и теоретические построения выполняют функцию научного обоснования и теоретического базиса для сформулированных нормативных предложений, цель которых — ограничить и взять под контроль неуправляемый финансовый рынок, используя его ресурс для подъема обрабатывающих производств.

финансово-спекулятивная деятельность, находящаяся вне зоны контроля обоснованной макроэкономической политики Правительства и способствующая вымыванию финансовых ресурсов из регионов, приводя, в конечном итоге, к возрастанию дефицита региональных бюджетов.

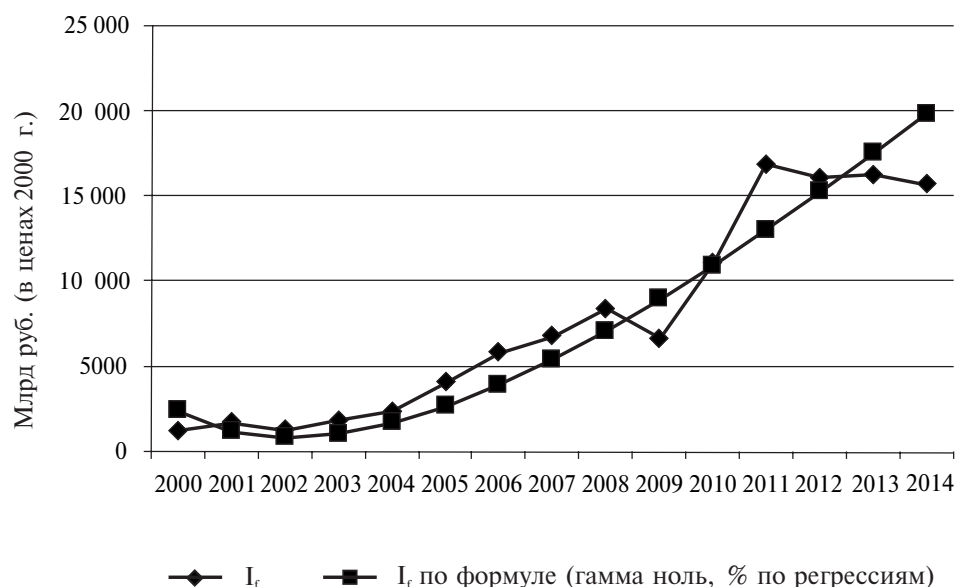

Рис. 12. Финансовые инвестиции I_f в экономике России, 2000–2014 гг.

Бюджетная политика

Бюджетная политика РФ также была слабо рестриктивной, тем самым действуя в общем направлении торможения роста и демонетизации (при ремонетизации 2000–2014 гг.). В 2015 г. ее явно выраженный рестриктивный характер очерчивается следующими цифрами бюджетного плана:

- произошел отказ от 3-летнего бюджетного планирования и «бюджетного правила» — последнее является позитивным, т.к. это правило не позволяло гибко использовать бюджетные механизмы;
- нефтегазовые доходы составляют примерно 50% всего бюджета, причем из получаемых доходов в 20 трлн руб. можно было 8–10 направить в казну России, но этого не делается;
- бюджеты 2015 и 2016 гг. являются бюджетами спада и стагнации, абсолютно безыдейным результатом неэффективного бюджетного планирования, поскольку за 10 месяцев 2015 г. доходы

составили 11,3 трлн руб. (план по 2015 г. — 12,5 трлн руб.), следовательно, идет перевыполнение по доходам. Относительно расходов — факт 12,0 трлн руб., план по бюджету 2015 г. — 15,2 трлн руб.. Тем самым, дефицит примерно 2%. Как видим, идет недовыполнение бюджета по расходам и перевыполнение по доходам, что подтверждает проводимую рестриктивную бюджетную политику.

Правительство задействует средства на уменьшение дефицита до 1 трлн руб.: индексация пенсий всего на 4% при инфляции 12% (а по потребительским благам — 15–17%), что ограничивает потребительский спрос в качестве локомотива роста экономики.

На 2016 г. планируется дефицит бюджета в 3% ВВП, при этом расходы на оборону увеличены к 2015 г. на 3,1%. По всем прочим расходам предусмотрено снижение: на промышленность — на 2%, на образование — на 8,1%, здравоохранение — на 7,8%, на ЖКХ — на 39%. В итоге расходы на образование 2016 г. к 2012 г. составят 94%, в номинальном выражении, здравоохранение — 86%, ЖКХ — 58%. Иными словами, наблюдается значительное сокращение номинальных расходов. Крупные организации России имеют 1 трлн руб. прибыли, но сокращают фонд оплаты труда на 0,5 трлн руб. Таким образом, нагрузка по перенесению тягот кризиса 2015 г. перекладывается на бедное население, капиталисты демпфируют свои потери и риски в наибольшей степени. Расчеты показывают, что 10% богатых семей России получают (контролируют) 87% всех доходов, причем с каждых 100 рублей бюджета здравоохранение получает 3 руб., образование — 3,6 руб., наука — 1 руб. Такой структурный дисбаланс бюджетных расходов и доходов напрямую угрожает национальной безопасности России.

Таким образом, неэффективная бюджетная политика тормозит экономический рост, обостряет социальные проблемы, дестимулируя важнейшие социальные функции и развитие.

Необходимо монетизировать бюджет, изменить налоговую политику, введя прогрессивную шкалу, усилить налогообложение природно-ресурсной ренты в пользу бюджета и обоснованные направления канализации финансов через бюджет, ввести целевые счета по инфраструктурным проектам и задачам в государственной промышленности (ОПК), используя систему Казначейства и т.д. Возможно, будет полезно ввести «процентный портфель» — секторально, гибкие ставки, обеспечить реализацию принципа плохого баланса, стимулируя банки работать в частном секторе промышленности и кредитовать его проекты.

* * *

Имеются все теоретические и эмпирические основания для решения задачи перераспределения ресурсов от финансового сектора России в пользу обрабатывающих секторов, что потребует специальных мер макроэкономической (денежной и финансовой) политики. Это позволит монетизировать дефицитные региональные бюджеты.

Для каждой экономики ситуация индивидуальна, и, как было показано для России, монетизация не представляет собой угрозы развертывания инфляции, если:

- будет развернута система действий по блокаде спекуляций и по свертыванию режима дестабилизации валютного рынка¹⁴;
- принята обоснованная схема планомерной монетизации с подбором инструментов, направленных на ликвидацию структурного перекоса российской экономики с синхронизацией мер промышленной и финансовой политики, для чего понадобится ввести шкалу дифференцированных ставок и принцип плохого баланса для банковской системы России¹⁵;
- будет ликвидирован источник инфляции, связанный с девальвацией и запуском «импортированной инфляции» вследствие действий указанных финансовых рычагов и спекулянтов, когда повышение цен гасится поднятием одного из видов цен — процента.

Для России необходим системный план согласованных действий макроэкономической (денежно-кредитной и финансовой) и промышленно-структурной политики, где имеют значение последовательность ввода мер, а также распределение денежного ресурса между регионами и текущая их финансовая структура. Именно эти факторы должны учитываться при разработке мер экономической политики.

Применительно к планированию политики в обрабатывающем секторе понадобятся, на наш взгляд, следующие действия, обеспечивающие, во-первых, выраженную структурную иерархию функций, задач и ресурсов для их выполнения. Речь идет о четком разделении и увязывании задач развития сектора на: фундаментальные (организации РАН), отраслевые (НИИ и КБ с опытными заводами) и серийного тиражирования продукции — заводы (как правило, со своими КБ) или НПО и НИИ.

Во-вторых, планирование рубежных показателей и создание режима состязательности организаций (как в научно-технической, так и в производственной сфере, работа в альтернативных технических направлениях с формированием рынков).

В-третьих, в рамках государственных программ — системный подход к решению проблем научно-технического и ресурсного обеспечения (для формирования всей технологической цепочки) и специализация (на конкретных научно-технических направлениях при необходимой диверсификации производства и тематики поисковых работ).

В-четвертых, согласованность программ замещения импорта (программы по номенклатуре с созданием мотивации для частного сектора) и планирования, учет и контроль (разработка программ, прогнозов развития, каталогов продукции, маркетинговые исследова-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Подробнее см.: *Сухарев О.С.* Изменение доктрины денежно-кредитной и бюджетной политики в условиях рецессии // *Федерализм.* 2015. № 1.

ния состояния отрасли, экспертиза НИОКР, обработка информации о технико-экономической деятельности).

Разрабатываемые программы, в т.ч. по замещению импорта, должны задействовать не только экономические, финансовые (кредит, инвестиции) и институциональные (структура владения активами объекта) факторы развития, но и технический потенциал системы. Причем в рамках программ и институтов развития необходимо предусматривать обновление фондов, кадров, технологий, схемы накопления интеллектуального капитала.

Эти подходы предлагаются для выстраивания планирования промышленной политики на уровне Министерства промышленности и торговли РФ. Безусловно, они станут успешными только тогда, когда инструменты макроэкономической политики будут работать на достижение предполагаемого «отраслевого» результата.